

Иногда «антонимия» обусловлена локальными особенностями праздника — например, природными явлениями, культурно значимыми событиями. Так, в зависимости от местных погодных условий 14 / 27 октября характеризуется оттепелью либо выпадением снега, ср. без указ. м. *Парасковия-Порошиха* и арх. *Парасковья-Грязнуха*. «Антонимичность» в хронимии может отражать разные взгляды на ситуацию, ср. моск. *Александра-Резвая соха* и нижегор. *Егорий-Ленивая соха* ‘23 апреля / 6 мая’.

В редких случаях «антонимические» варианты, привязанные к одной дате, фиксируются в одной микросистеме, ср. без указ. м. *Илья Мокрый* и *Илья Сухой* ‘20 июля / 2 августа’: «В случае засухи молились Илье Мокрому, а при дождливой погоде — Илье Сухому».

Семантическое противопоставление хронимов в некоторых случаях возникает в результате действия механизма народной этимологии, ср. нижегор., печор., тамб. *Георгий-Победоносец* и нижегор. *Егор-Бедоносец Строгий* ‘23 апреля / 6 мая’.

Наконец, названия одного и того же временного отрезка могут быть противопоставлены символически: прикам. *Чёрная пятница* и костр. *Чистая пятница* ‘пятница перед Пасхой’.

А. Б. Мороз

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
abmoroz@yandex.ru

Как зовут домового? К этимологии одного демононима

В июле 2014 г. в ходе экспедиции в Верхнеустькулойском кусте деревень Вельского района Архангельской области нам пришлось столкнуться с ситуацией, когда знахарка ищет пропавший в лесу скот, заблудившегося человека или утопленника посредством пения *припевки*. Вообще, пение припевок — особая часть свадебного ритуала, они поются во время застолья: жительницы деревни, не приглашенные на свадьбу, приходили *смотреть молодых* и петь *припевки*. Пели их,

адресуя всем присутствующим по очереди, в то время как те сидят за столом. Супругам пели вместе. По окончании пения *припевка сдается*: поющая называет в особой форме имена адресатов и просит награды.

Описанная практика не является индивидуальной. Мы знаем по крайней мере о трех знахарках, практиковавших этот обряд. Одна из старейших жительниц Верхнеустькуля, имеющая репутацию знахарки, рассказала, что она делает: «Хто заблудитси или потеряетси так вот — дак про это-то — дак я сама хожу, припевку пою. [Какую?] А... как поется эта припевка — как жениху да невесте, только сдавать ие надо дак этому... ну, как говорится, лешему. Сходим в лес-от этот... надо на ростани идти, где вот так от дорога. На этих ростанях и петь припевку. [Что за припевка? Как надо петь?] Дак... любую, какую жениху да невесте поют... Я пою припевку “из-за лесу” [наговаривает]:

Из-за лесу, лесу тёмного,	Серые-те гуси щиплются,
Из-за тёмного, дремучёго	— Не щиплитесь, гуси серые,
Вылетало стадо серых лебедей,	Не сама я к вам на двор зашла,
А за ними стадо белых гусей,	Завезли меня добры кони Кутафьевы...

Лешего-то Кутафьем, дак вот, Кутафьем... коней зовут. Споёшь эту припевку, кода кончится припевка, дак: “Только припевочка сдавать, Кутафью Кутафьевичу Кутафью Кутафьевну целовать, вам на потешки, а нам на орешки, отдайте раба божьего такого-то” и бросаешь хлеба кусок» [АЛФ].

Н. В. Петров показал, что в былинах редупликация имени — один из способов характеристики антигероя [Петров, 2007, 53–55]. Возможно, и здесь повтор одного корня есть особенность именования демона. Помимо редупликации, интерес вызывает и происхождение слова *кутафья*. Словари дают единодушное толкование этого слова: ‘о тепло закутавшейся женщине’ [СРНГ, 16, 430], ‘о неопрятно, неуклюже одетой женщине’ [СПГ, 1, 456; СРГС, 2, 181]; ср.: «Ближайшая этимология: “неуклюжая, безобразно одетая женщина” (Пушкин, Мельников). Вероятно, от *кутать*» [Фасмер, 2, 433]. Итак, словари отсылают к глаголу *кутать*, а М. Фасмер пусть осторожно, но все же дает этот вариант этимологии как единственный. Между тем предположение относительно деривации слова *кутафья* от глагола *кутать* не может не вызвать сомнений: в русском языке отсутствует соответствующая

словообразовательная модель. Единственное, что могло бы повлиять на такое словообразование, — это аналогия с именем *Агафья*. Тогда теоретически возможно допустить экспрессивную деривацию с корнем *кут-* в связи с манерой одеваться и внешним видом женщины. Тем не менее примеры, приводимые в словарях, и употребление лексемы в художественной литературе не дают нам полной уверенности в справедливости такой интерпретации. Во всех случаях примеры показывают лишь, что это слово употреблено в бранном значении, но не содержат указаний на внешний вид человека. «Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку» Д. Н. Мамина-Сибиряка — единственный текст, где слово употреблено как антропоним (*прекрасная царевна Кутафья*) в ироническом, но не бранном смысле. К примеру, в [СРГС, 2, 181] дается следующий пример: «Не человек, а кутафья кака-то». Разумеется, можно предположить, что формула *не человек, а...* не предполагает собственно противопоставления «человек — не человек», а лишь экспрессивно подчеркивает, что человек, о котором идет речь, не соответствует общим нормам. Однако возможно и обратное: в этой формуле человеку отказывают в принадлежности к людям (ср. *понеси тебя леший*, а также ряд бранных формул, где человек прямо именуется нечистой силой [Мороз, 2000]). Тогда *кутафья* может быть именно наименованием нечистой силы, например, эвфемистическим. Такая номинация демонологических персонажей не уникальна: «Пришла женщина в гумно. Агафья какая-то. А ей из овина-то и говорит: “Агафья, скажи Кутафье, что умерла Стогафья”. Она домой-то пришла, да и рассказывает. Вот такое-то было дело. Утром встала, а там, в трубе-то, заплакало. Утром встала — а там платок атласный висит. Подарили за то, что передала эту новость» [АЛФ].

Сама информантка пояснила, что имя *Кутафья* образовано от слова *кут* ‘часть русской печи’ (ср. ‘угол в печи’ [СРГК, 3, 74], ‘угол за печью’, ‘кухня или небольшой чулан с печью’ [СРНГ, 16, 165]). Таким образом, квазиимена *Кутафья* и *Стогафья*, несомненно, образованы по аналогии с антропонимом *Агафья* и в связи с местом пребывания соответствующих демонологических персонажей: домовый — *кут* и овинник — *стог*.

В случае со свадебной припевкой квазиимя относится не к домовому, а к лешему, что может быть объяснено утратой лексемы *кут* в соответствующем говоре.

- АЛФ — архив лаборатории фольклористики РГГУ (Москва).
Мороз А. Б. «Чтоб ты лихая немочь изняла!» // Рус. речь. 2000. № 1. С. 89–94.
Петров Н. В. Вахрамеев Вахрамеевич против Идолища: закономерности в образовании былинных имен // Традиционная культура. 2007. № 3 (27). С. 50–60.
СПГ — Словарь пермских говоров : в 2 т. Пермь, 1999–2002.
СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. СПб., 1994–2005.
СРГС — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. Новосибирск, 1999–2006.
СРНГ — Словарь русских народных говоров. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1964–1973.

С. А. Мызников

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
myznikovs@rambler.ru

Южновепсская лексика в севернорусском и прибалтийско-финском контекстах

В докладе предполагается проследить некоторые ареальные и этимологические особенности южновепсской лексики. Южные вепсы, в настоящее время проживающие в Бокситогорском районе Ленинградской области, находятся на грани полного исчезновения: число их составляет не более 150 человек, большей частью пенсионного возраста. При подготовке доклада использованы материалы, полученные в ходе полевых исследований для «Атласа вепсского языка», а также данные «Suomen kielen etymologinen sanakirja» и «Словаря вепсского языка», где достаточно подробно зафиксированы южновепские данные (например, с географической пометой *Радогощь* — 101 лексическая единица, *Сидорово* — 1 208, *Кортлахта* — 680).

1. В ряде случаев южновепские лексемы образуют ареал, противопоставленный другим вепским диалектам, ср. вепс. южн. *kukič* ‘голубика’ и вепс. северн. *gilingeine*, вепс. шим. *g’õnikbarb* ‘ветка голубики’, *g’õnikäiñe* ‘голубика’ [СВЯ, 99]. Ср. также вепс. южн. *sämutada* ‘вдевать нитку в челнок для вязания сетей’, вепс. южн. *sätüne* ‘то же, что *käbu*’ (Белое озеро, Кортлахта, Сидорово) [Там же, 537], при вепс. *käbutada*